

ПОСЛѢДНІЯ НОВОСТИ

ЧЕТВЕРГЪ, 16 ЯНВАРЯ 1930
JEUDI, 16 JANVIER 1930

НОМЕРЪ
КО ФРАНЦИИ **50** cent

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА ПОДЪ РЕДАКЦИЕЙ П. Н. МИЛЮКОВА
Quotidien Russe — „LES DERNIERES NOUVELLES“, Directeur P. N. MILIOUKOV

LE NUMERO
EN FRANCE **50** cent

ЧЕТВЕРГЪ, 16 ЯНВАРЯ 1930
JEUDI, 16 JANVIER 1930

№ 3221

11-й ГОДЪ
ИЗДАНІЯ

16

ABONNEMENT AUX „DERNIERES NOUVELLES“
(Partant du 1 et 15 de chaque mois)
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА „ПОСЛѢДНІЯ НОВОСТИ“
(съ 1-го и 15-го января мѣсяца)
1 мѣс. 3 мѣс. 6 мѣс. 1 годъ
Во Франції . . . France 12 36 65 125
За-границей . . . Etranger . . . 22 64 120 220
Перемѣна адреса—1 фр. ou Changement d'adresse—1 fr.

Получать газету можно въ Канторѣ газеты
и въ ее отдѣленіяхъ, а также въ редакціи.
Цѣна 20 фр. Канторѣ и отдѣленіяхъ—50 cent.
За-границей—60 cent.
Пріемъ объявленій въ Канторѣ газеты.
On s'abonne aux Bureaux du Journal et dans
tous les Bureaux de Poste.
Le prix est: Paris et Départements—50 c.
Etranger—60 cent.
Adresses de la Rédaction et de l'Administration
Адресъ Канторы и Редакціи
51 Rue de Turbigo 51. - Paris III.

Телефонъ редакціи
— канторъ
— въ объявленіяхъ
TURBIGO 81-52
ARCHIVES 81-00
ARCHIVES 84-95 и 84-96
Канторъ газетной редакціи (кромѣ 9 час. вечера):
PROVENÇOL 87-47
Телеграфный адресъ Adresses télégraphiques
DERNOUVED PARIS 03

№ 3221

11-я
АННѢЕ

16

Изъ литературнаго калейдоскопа

Въ 1889 году Николай Успенскій, талантливый авторъ очерковъ народного быта, печатавшихся когда-то въ «Современникѣ», теперь опустившійся и сившійся человекъ, выпустилъ брошюру «Изъ прошлаго», въ которой уличалъ Некрасова въ мошенничество. Пестъ, издатель «Современника», отправилъ Успенскаго за-границу и для возмещения расходовъ на поѣздку выпустилъ сборникъ его рассказовъ. Поѣздка стоила 1000 рублей, Некрасовъ же выручилъ отъ книги 10.000 рублей, и значительный, якобы, остатокъ, присвоивъ себѣ. Несмотря на личность обвинителя, это обвинение осталось на памяти Некрасова, среди другихъ разведенныхъ на него клеветъ. Только теперь В. Чукowski, разбирая архивъ «Современника», документально установилъ, что въ действительности Успенскій явился должникомъ Некрасова, и ничего, кроме добра, Некрасовъ ему не сдѣлалъ. Рассказъ о томъ эпизодѣ («Забада» нѣм. 11 - 129 г.), Чукowski даетъ характеристику Николаю Успенскаго, одного изъ самыхъ талантливыхъ, но и наиболее отталкивающихъ типовъ русской литературной богемы 60-хъ годовъ.

Тургеневъ называлъ его «человѣкомъ-видцемъ», и действительно, ненависть къ людямъ была основой натуры этого загубленного водкой и нелѣпой жизнью человѣка. Тургеневъ, котораго Успенскій тоже обманывалъ въ своей брошюрѣ, сталъ жертвой добрыхъ чувствъ къ Успенскому. Желая какъ нибудь устроить молодого и беззубаго писателя, Тургеневъ предоставилъ ему въ десятинѣ въ своемъ Орловскомъ имѣніи за фиктивную плату въ 1000 рублей. Черезъ нѣкоторое время Успенскій потребовалъ у Тургенева этихъ денегъ, грози проѣхать вѣкъ другому лицу. Въ попыткѣ «создать фактъ» на совѣсть Успенскаго остались безъ результата, и Тургеневу пришлось выкупить у него свой подарокъ.

Ненависть къ людямъ, удовольствіе хвататься надъ человѣкомъ и вообще удовольствіе ощущать въ людяхъ дураковъ,

подлецовъ и мошенниковъ» было, какъ свѣдѣтельствуемъ Глѣбъ Успенскій, двоюродный братъ Николай, — главнымъ его утѣшеніемъ». Это человѣконенавистничество люди, вспоминая объ Успенскомъ, обычно объясняли пьянствомъ, но — резонно замѣчаетъ Чукowski, — «какъ будто Николай Успенскій былъ единственный пьяница, какъ будто Помяловскій, Левитовъ, Рибетниковъ, Щановъ, Якушкинъ, Куцевскій не были такіе же «утѣшители въ подвѣ таланты».

Всмотрѣвшись въ біографію Николая Успенскаго, мы видимъ, что, кроме водки, у него было и другое несчастье, ожесточившее его до крайнихъ предѣловъ. Этимъ несчастьемъ была внезапная слава, которую онъ приобрѣлъ въ 2-3 дня и столько же быстро потерялъ безъ остатка. «Слава свалилась на него, на 20-лѣтняго мальчика, въ самую началъ его литературной карьеры, послѣ первыхъ же его рассказовъ. Онъ сразу сдѣлался модный писатель, любимецъ и баловень критики. Едва онъ появился въ печати, какъ самъ Добролюбовъ выразилъ въ одной изъ своихъ статей пожеланіе, чтобы его рассказы были включены въ хрестоматію, наряду съ рассказами Тургенева, Салтыкова-Щедрина, Лѣва Толстого. Была въ его жизни такая минутка, — правда короткая, но для него незабвенная, — когда его ставили даже выше Тургенева за то, что онъ сказалъ, будто бы, новое слово, которое тому и не сдѣлалось. Какъ же ему было не возомнить о себѣ? Вѣдь онъ былъ изъ нищеты, полуголодной семьи, вѣдь только вчера его хлестали бурлацкой розгой, а сегодня онъ почетнѣйшій сотрудникъ лучшаго въ Россіи журнала, и первѣйшій изъ русскихъ писателей вводитъ его въ свою среду, какъ собрата. Другого такой успѣхъ окрылялъ бы, но онъ — наследственный алкоголикъ, неокверканный бурею, былъ не приспособленъ для такого внезапнаго счастья».

«Новое слово» Успенскаго заключалось въ безнравственности, но правдивомъ изображеніи русскаго мужика. Черезъ нѣсколько

лѣтъ жестокая правда о крестьянской тебѣ была объявлена худой на мужика, появилось «народничество», и Успенскій на-прасно старался попасть въ ногу съ новымъ теченіемъ. Онъ упалъ съ литературныхъ высотъ также быстро, какъ поднялся, и критика объявила его конченнымъ писателемъ. Главнымъ виновникомъ своей литературной трагедіи онъ считалъ Некрасова и отомстилъ ему злобной клеветой уже послѣ его смерти. Но раньше, чѣмъ пойти на дно, онъ долго и упрямо боролся. «Выпранивалъ подачки у Тургенева, у Литературнаго Фонда, мыкался по разнымъ полунотеннымъ редакціямъ и все, должно быть, надѣялся, что его вспомнятъ, вернутъ и увѣчаютъ опять. Но годы проходили, а, кроме плевковъ, онъ не получалъ ни отъ кого ничего. Онъ отчаялся, окончательно бросился въ кабацкую жизнь, ничего не ожидая, кроме гибели».

Распухшій, нѣжный, дохматый, съ сѣдой бородой, онъ взялъ свою малолѣтнюю дочь и пошелъ шататься съ ней по почлежнущимъ домамъ, по трактирамъ — въ арестантской овчечьей бекешѣ — и за нѣсколько мѣсяцевъ конфектъ сталъ играть на гармоникѣ, пѣть, рассказывать кабацкимъ завсегдатаямъ о разныхъ знаменитыхъ писателяхъ, — причемъ на писателей у него даже такія сложилась за рассказы о Достоевскомъ или Бакуинѣ онъ бралъ четвертакъ, а Тургеневъ, Некрасовъ или Толстой соглашались рассказывать и по дешовке, а Пушкина и Лермонтова такъ презиралъ, что за рассказы о нихъ требовалъ всего пятачокъ.

Но главнымъ кормильцемъ его были клеветники. Онъ досталъ у какого-то пропойцы чучело средней величины крокодила и показывалъ желающимъ за деньги, потѣшая зрителей стинками и шутками, а его полуголодная Оля ходила съ шапкой собирать мѣлики.

Родные не разъ пытались спасти чучело, но всякій разъ, когда они похаживали ее у него, онъ врывался къ нимъ въ домъ со скандаломъ и увозилъ ее прочь.

Недолго до смерти Успенскій сталъ сотрудничать въ моск. трактирномъ листѣ «Развлеченіе», у него появились друзья съ поровесными кличками «Мазепа», «Панна», «Бостонякъ», «Шенгунъ», и самъ онъ сдѣлался настоящимъ босикомъ. Зѣвъ, въ

«Развлеченіи», окончательно отиѣтый и бо-теранный, онъ печаталъ свои горячечныя воспоминанія о русскихъ писателяхъ, и его собутыльщикъ — пропойца Кондратьевъ кричалъ ему: «Жарь ихъ хорошенько!»

Онъ умеръ на улицѣ около Успенскаго рынка, зарѣзавшись перочиннымъ ножомъ. Около трупа, который нашелъ утромъ 21-го октября 1893 г. легковой извозчикъ, были двѣ большія лужи крови, и тутъ же лежалъ перочинный ножъ. Его онъ купилъ за четвертакъ на базарѣ. Просилъ у Кондратьева бритву, но тотъ сказалъ: «Зарѣжьешься и ножикомъ!» Смерть эта прошла незамѣченной. Даже газеты не отиѣтили трагическаго конца когда-то прославленнаго писателя.

Въ томъ же номерѣ «Звѣзды» находимъ, любопытную по матеріалу, статью В. Евгеньева — Максимова: «Салтыковъ-Щедринъ и реакціонная беллетристика 60-хъ годовъ». Литературно-критическая дѣятельность знаменитаго сатирика изслѣдована еще очень мало; даже не выяснены всѣ его критическія статьи, которыя онъ печаталъ безъ всякой подписи. Подходъ Салтыкова къ литературнымъ произведеніямъ былъ, прежде всего, публицистическій. Берясь, какъ сатирикъ, съ реакціей во всѣхъ ея формахъ, онъ такъ же безпощадно боролся съ ея проявленіями — иногда мнимыми — въ художественной литературѣ. «Отцы и дѣти» Тургенева стали первой мишенью его нападокъ. Какъ извѣстно, романъ далъ поводъ для диаметрально противоположныхъ оцѣнокъ даже въ передовомъ литературномъ лагерѣ. Салтыковъ сталъ на сторону тѣхъ, которые объявили романъ пасквиломъ на молодое поколѣніе, а Базарова типомъ выдуманымъ для униженія переломной молодежи. «Слово «нигилизмъ» нигде, но въ ходѣ Тургеневымъ и не обозначается, собственно, ничего, — писалъ Салтыковъ. Не обозначая, собственно, ничего, оно прикрываетъ собою всякую обвинительную чепуху, какая изобрететъ въ голову благонамѣренному. И благонамѣренные воспользовались случаемъ, чтобы обвинить нигилистовъ даже въ пожарахъ въ Петербургѣ лѣтомъ 1862 года... Вотъ какую страшную услугу оказалъ Тургеневъ».

Этой «страшной услуги» Салтыковъ не могъ забыть, простить Тургеневу въ теченіе многихъ лѣтъ и считалъ, что «Отцы и дѣти» — тотъ рубежъ, съ котораго началось быстрое паденіе и художественнаго дарованія и популярности Тургенева. «Новъ» — пишетъ онъ Анненкову — показавшая мнѣ въ высшей степени противнымъ и неприятнымъ романомъ. И совершенно искренно думаю, что человѣкъ, писавшій эту вещь, во первыхъ, выжилъ изъ ума, а во вторыхъ, потерялъ всякую потребность каково-либо нравственнаго контроля надъ самимъ собой... Что касается какъ называемыхъ «новыхъ людей», то описаніе ихъ таково, что хочется сказать автору: «Старый болтунище! Ужель даже сѣдые волосы не могутъ обуздать твоего лганья». Прочтите наскудниа сцену переодѣванія, сжиганія писма, припомните, какъ Неждановъ беретъ подводу и вдругъ начинается революція, какъ идеальный Соломинъ говоритъ: дѣлайте революцію, только не у меня во дворѣ... Все это можно писать, лишь внавши въ дѣтскій возрастъ».

Всей силой своего сатирическаго бича хлесталъ Салтыковъ обличившіе нигилистовъ романы Н. Стебницкаго (Лѣскова) и Авенариуса, и этому, конечно, нечего удивляться. Но даже «Анна Каренина», — по крайней мѣрѣ, первая ея часть, — чрезвычайно раздражала Салтыкова. «Ужасно думать — писалъ онъ Анненкову, — что еще существуетъ возможность строить романы на однихъ половыхъ побужденіяхъ. Ужасно видѣть передъ собой фигуру безмозлаго кобеля Вронскаго. Мнѣ кажется, это подло и безнравственно. И ко всему этому прицѣпляется консервативная партія, которая торжествуетъ. Можно-ли себѣ представить, что изъ коровьяго романа Толстого дѣлается какое-то политическое знамя!» Салтыковъ задумывалъ даже написать подражаніе «Аннѣ Карениной», повѣсть «Влюбленный быкъ», но, повидимому, по мѣрѣ того, какъ романъ развивался, онъ почувствовалъ, что относить «Анну Каренину» къ чуждому «бывовно-благонамѣреннаго повѣстей» было бы несправедливо. Однако, несправедливо-недоброжелательное отношеніе Салтыкова къ чисто любовнымъ сюжетамъ, отдалающимъ общественное вниманіе отъ темъ социальнаго и политическаго характера, находится въ

полномъ согласіи съ его ненавистью ко всему, что могло бы сыграть въ руку реакціи.

Въ небольшой, только что вышедшей, книжкѣ А. Мышковской: «Чеховъ и юмористическіе журналы 80-хъ годовъ» собрано довольно много любопытныхъ свѣдѣній о сатирическихъ журналахъ и оригинальной средѣ ихъ сотрудниковъ, гдѣ начиналъ свою литературную дѣятельность Чеховъ. Журналъ короткихъ рассказовъ, въ которыхъ изощрялся здѣсь Чеховъ, остался его излюбленнымъ жанромъ и впоследствии. «Будь я литераторомъ, я писалъ бы вещи только съ ладонь величиной» — говорилъ онъ. «Известные беллетристы второго и третьяго сорта должны воздвигнуть мнѣ памятникъ иди, по крайней мѣрѣ, поднести серебряный портъ-сигаръ — писалъ Чеховъ Суворину — я проложилъ для нихъ дорогу въ торжественные журналы, къ лаврамъ и сердцамъ порядочныхъ людей».

Въ рассказахъ и разсказкахъ юмористическихъ журналовъ сезонныя темы играли большую роль. Осенью писали о свадьбахъ, зимой о Святкахъ, встрѣчѣ Нового Года, великомъ постѣ, масленицѣ. Весной излюбленной темой были Пасхальные праздники, лѣтомъ неизмѣнно рассказывали о дачныхъ приключеніяхъ, дачныхъ мужьяхъ и женахъ. Чеховъ примѣнялся къ этимъ сезоннымъ требованіямъ и иногда занемывалъ цѣлые номера «Зрителя» или «Осколковъ» такимъ сезоннымъ матеріаломъ. Но эта привычка и умѣніе писать къ сезону остались у Чехова надолго. Когда онъ былъ извѣстнымъ и признаннымъ писателемъ, онъ продолжалъ сотрудничать въ «Новомъ Времени» и «Петербургской Газетѣ» и присылалъ сюда сезонный злободневный матеріалъ. Знаменитый рассказъ «Святой ночью» написанъ для пасхальнаго номера «Новаго Времени». И позже, въ очень многихъ рассказахъ, уже заранѣе по пейзажу и фону, на которомъ разыгрываются событія, можно легко угадать, въ какомъ мѣсяцѣ, по крайней мѣрѣ, въ какое время года былъ рассказъ написанъ или для какого сезоннаго номера журнала или газеты онъ предназначенъ. Писателю тогда не было никакой необходимости примѣняться ко временамъ года, по привычка молодости давала себя чувствовать.

Р. Словцовъ.